
ЗЛАТА КОЈИЧ

БЕЛЫЙ ОСЛИК

Перевод с сербского О.А. Комкова

МЕЛОД, ОСЁЛ

Было иль будет: я тень поднимаю
с площади. И площадь — на плечи: скрёсток.
А за пятами — жало: хи-хи, ослище.
Пускай, осёл — человек добрый,
в добрых сандалиях — в доброс море:
ходить по волнам. Стеклянно-огненным?
Было иль будет: площадь и ветви
пальм под копытами. А под площадью —
сердце скорбит, уже в хитон Распятого
закутано, уже с виноградною косточкой
зарыто в тёплую землю.
Было иль будет: земля мироточит.
С морского брега бреду к пучине.
Мне бы — *не-а-не* — крылатой поступью
в Город, чыи улицы — *чистое золото,*
словно стекло, прозрачно.
Было иль будет. Сладкое бремя:
сапфир и смарагд, аметист, халцедон —
насытился он и травой, и ветром,
натаскался перекрёстков да площадей;
из зеркала водного, небесного
белому ослику — да на фреску бы!

СОШЕСТВИЕ ЛИСТА, ПЛАТАНОВОГО

МЕЛОД, ОКО, БЕРЕГ

Тебе пою. Хвалу за встречи.
С ягодкой смородины. С тихим озером.
С ящеркой, что, приподнявшись,

зашлётала шустро по водной глади.
Пусть я мимо прошёл, за горой масличной
зажмурюсь — и тотчас глаза вернутся
через хребет: ко всему, что их не пускает.
К ослиному кроткому оку,
глубокому — то сиянье блаженных яслей
полнит грудь. Но не движутся ноги:
боль, что свилась в клубок под сияньем, —
за мной по пятам: петля и путы.
Так и вхожу я в море: в руины храма.
В поисках звука, слога, надеясь в пучине
молвить слово белому ослику с фрески.
Не о том спрошу, как он радость богоприимца
вынес, не о том, как богонёс Агнца
во град. Но — о том, куда он делься после,
когда *Осанна* извернулась в
Распни.

САД

Сада того больше нет, но так хорошо мне
в нём. Тихонько поёт ягодка пурпурная.
Из травы, где лежу, чрез горный венок
вытесняет утро, и полдень, и ночь.
Пока стрелки не встретят улыбку солнца,
слушаю гальку: жёстко её молчанье, а жилки
трепещут — и вот уж припев смородинке. С этого
началось, с благословенной тиши: созвучья
грядущего. С немощи удержаться, не молвить.
С немощи вымолвить это согласье: солнца,
гальки, простора, хора лугового.
Подагре, змеям — откроюсь позже.
Но чтоб никому, никак не умолкнуть.
Я же — полем, морем, и сад мой — за мной.
Все мои тени, снежинки, мои платаны и
шарики их семян. Всё в эту лодку нежно
сложу: в единую ноту на строчке пучины.
Пусть всё, сколько душе угодно,
купается в истине своей.

ПЛОЩАДЬ

Здесь площадь была. Цветочная.
С платанами. Пока не разросся
лес. Пока не пришли лесорубы.
За ними — потоп.
Повесть о том, как добрались мы
до пучины, пешком, записана
в отражениях. В глазах, на воде,
в зеркале небесном. Виденья верны
и живы лишь на восходе солнца.
Если ему навстречу летим, хотя и
отягчены. Листвою, что истлевает
у нас на руках. Ворохом вопросов:
Белый ослик — как несёт он, на коже,
под нею, печать Входа цветочного,
вербного? Если же видел он и Распятие,
не рыдает ли всё ещё? Ибо принёс:
послужил, чтобы *всё* сбылось? Как же
новой встречи он дожидается? Снова
готов понести? А мы?

ЛИСТ

На апостолов — пламя мудрое,
мне же за ухо — лист, платановый.
Ни дождинки на нём,
ни лучика. Только
в сердце вздрогнувшем заиграла
капелька солнечной крови —
чую, вот-вот переполнится.
Полным канет в пучину.
А пучина та уж давно
в груди моей обитает:
лелеет видение нежное: хрупкое
отраженье Града над водами.
Кабы могли без меня не строить
этот Град на воде, осиянный, согретый.
То, что мне принести назначено
на своих плечах, — да свершится.
Ну, а если нет? Довольно и листка.
Привитого. Пламенеющего.

СЕРДЦЕ, ПУЧИНА

Волны ль его забросили, или
само допрыгало, или птицы его
уронили, или радуги. Иль, распаясь,
в сапогах семимильных перешагнуло
пол-океана да угодило прямо на линию
горизонта? Только — сердце на месте, Мелодово.
Птаха дрожащая, на зыбкой грани
между морем и небом. Глянет туда,
сюда, съёжится. Здесь остьаться,
в точке, где соприкоснулись миры,
что кольца восьмерки. Яйцо отложить,
свить гнездо — здесь, где, быть может, как раз
пускает росток День Восьмой. Едва
сам Мелод, наконец взваливши на плечи
тень и колокол, шагнул с берега
(первый шаг по воде — в воду: комом) —
его птаха уже поёт в пучине.
О пучине, что в сердце. И о капельке,
огненной.

ЯЙЦО, БЛАГОДАТНОЕ

Если и мне — тем же путём. В огонь и в воду.
За белым Агнцем на белом осле,
по белой радушной дорожке из одеяний.
За белым ангельским перстом, к могиле
пустой. За дорожным знаком пустого,
выбеленного покрова. Не зная,
ни как, ни где эти две белые дороги
скрестятся. Но ища в чернозёме,
в синих водах, белую точку скрещенья.
Таша тяжёлую тень по земле.
Вместе с осликом в зеркале.
Знает ли он? По воде — всё будет легче?
Шар земной — словно тень. Тень же — словно
рельсы на воде. Чрез полотно пучины,
словно через порог, над которым рельсы
обернутся упругой радугой?
Видит ли он? Белую точку. Закутану

в радужный пух, в груди.
Несущка: парит над водами,
яйцо пламенеющее роняет?

ГРАНЬ

Где ж эта грань между морем и
небом, и что за гранью этой? Верно,
держит нас, не даёт потонуть уже сам
этот вопрос. Первый, в который, как в чёлн,
вошли мы, как в след на воде, Патмосской,
ещё далёкой от огня в устах.
Как далеки скучные наши догадки
от красоты её сгущеных в хрусталь.
Нет мучительнее, нет милее хожденья.
Нет и хрупче исхода: каждый навык —
ополовинен. Шаг по колено в воде.
То было хождение по волнам, а это —
по линии горизонта? Как по канату:
взвесишь своё небесное, своё земное.
Ловишь в воздухе поводок ангела-
хранителя. Но как одолеешь пороги?
Линия пучины дрожит струной,
умножаясь, отверзает зевы: проходы.
С той стороны — звон. Голоса
поющих на море стеклянном? Или
Глас над водами?

ГАРМОН-И-Я

Мы с берега — прямо к площади,
Вербной, в пучине. Но Тебе виднее
пути наши: круги по воде. Рваные.
Куда же дальше? Сбылось: море, небо.
Мелод развязает узелок свой.
Но нет в нём того, что было, что взял с собой:
ни тени, ни колокола. Только — Слово.
Разъять его на три светлых зернышка?
Не удостоился он встречи с ангелом
своим, с глазу на глаз. И нет ответа
на вопросы неизбывные: себе, ему?

И не отважится вымолвить: Мне бы
узнать, как зовут тебя, меня, весь этот
перезвон, в котором парим.
Но имя уже рядом, за ухом, на листке:
Гармон. И радуга кистью допишет:
и я. И хор, и эхо, и я. И ослик:
И-А!

СОРАСПЯТИЕ. ОСЛИК ГАРМОНОВ ГАРМОН ОЧЕВИДЕЦ НА СТРАШНОМ МЕСТЕ

ДРЕВО

Есть у древа того душа.
Я видел её сквозь облака.
Так же развесиста крона и мощен ствол,
разве кора не сребрится.
Из чистого золата.
...Что ты можешь. Безоружный. Безрогий.
Тени мечущихся ветвей
быт по глазам. По груди. По коленям.
Вот уже давят и ветви, и ствол вековой.
Разверзлось бездной глазное дно
под тяжестью невиданного.
Дорого встало зрелище.
Прежде чем рухнет роскошное, райское –
ты и сам уже срублен
под корень. Пеняй на себя.
Пень.

ИСПОЛИНЫ

Что может пила.
Электрическая, о Тесла.
Что – безумная алчность.
Рубка. Резня князей.
Погибли все мои
исполины.
Пала гвардия солнца.
Кто-то потирает руки. Прихоль-прибыль.

Надолго, надёжно склонена прохлада.
Ад: скрежет земли.
Готово. Пусто пред взором.
Голые лачуги под голым небом.
Голые пни, голая ложь, мол, были гнилые.
Где ты живешь? На Голгофе.

КОРНИ

Что могут когти подъёмного крана.
Что я. Стать бы птицей громадной.
Один за другим
все срубленные платаны
взять бы в клюв,
что голубь – веточку.
Да на пятую сторону
света – в пучину.
Где примут их щедро,
где в рост поставят
воробей, соловей, малиновка, дрозд.
Чтобы в водах великих
корни пустили,
как любая благая весть.

ЗОЛОТНИК

Птахи малы – велика утеша.
Разогнали, истребили.
Взвинтили цены. Салат из
соловьего языка. Зубочистки
из платанового дерева.
А чему нет цены – за бесценок.
Девушка-птица: щебет ее,
ектения царская, золотник в устах.
Боже, не для хвалы ли создан
язык мой? А эти, пень корчуя,
что творят со мной? Пока головой
кручу, отнекиваюсь, другое ухо
переполнили крики дровосеков.
Язык за зубами – полночный пёс,

рычит: Не из глины вы. Не из плоти.
Не из одного мы с вами теста.
Остаток текста – обратно в горло.
И вижу: там, где сдержался, тотчас
стаей слетелись блики: каждый улыбкой,
словно нитью златою, латает мир,
чтобы не раздирился на палачей и
жертв.

ТЕНЬ

Я – как вкопанный. А тень моя –
собачкой по голой площади,
за колёсами ненасытными:
куда ж вы, гав! увы! окаянные,
эти кольца годичные, золотые сечения.
Давайте, все взвалю на плечи.
Вот уж сердца у брёвен сжались.
А как залаяла на рабочий
комбинезон: Ну сколько ещё перекладин,
чтоб распяли вы весь народ свой –
прорвалась плотина и град поплыл
по долине плача.

ТЕНЬ ТЕНЕЙ

Кротка, терпелива, от сердца опутанного,
а как увидала: слезинка птичья
пала на пень и пень пророс – будто
от пуповины, от ребра моего
оторвалась. Поскользнулось солнце,
когда заголосила она. Да. Ревёт
тень моя, белая, дрожащая,
краше породистой кобылицы.
Нюхает в воздухе руку Валаамову,
что видна только ей и ангелу,
и молвит на древнем наречии,
доныне внятном, всё то же:
*Почему ты меня избиваешь?
Не я ли ослица твоя?*

КАМЕРТОН

Капелька тоски по берегу,
когда вынырнули мы у плывущего
ветвистого пня платана и птицы
стали вступили в наш хор немой.
Из клюва соловьего ослица
нежно губами взяла росток
и передала мне — запись будущему
регенту хора. И принял я с трепетом,
и провёл камертоном по сердцу,
где залегло молчание. Вековое —
но подожду. Да отзовётся
радостный тон.

НОВОЕ ЛИБРЕТТО

Имя новому либретто будет не только —
Исход. Из кожи. На улицу.
Когда перевернулся мир.
Не только — Изгнание. Райского сада, из нас.
Когда срубили Древо жизни.
Новая песнь взывает об имени
поподробнее: Всплытие. Из воды огневой.
Водостранствие: хождение по
волнам, грядущего хора Гармонова
и белой ослицы. Крестный ход по грядущему
морю, стеклянному, к аллее, грядущей,
в пучине.

РАСПЯТАЯ ПЯТНИЦА

СКОРБЬ

Днесь отрадно в ранах быть.
Споткнувшись о пень, упав ничком,
молча боль претерпеть.
Пока день, весь из ночи непроглядной,
на спине твоей скрещивает брёвна.
День печали тоски жалости

вопля горечи муки скорби.
Хоть и Время пройдёт, он останется,
под небом, гробным покровом.

СЫЗНОВА

Как ещё и копьём под ребро –
и из моей груди брызнуло. Но по снятии
ужасохся: да не с моих ли рук стекает?
Ибо: того презрех, а плевок – на Тебя,
на того разгневихся, а язва – на Тебя,
тех осудих, а клин – сквозь ладонь Твою.
Руки разведу – так и вспомнится.
Так и несу – как Симон.
Ни о чём для себя не молю, но о том,
чтобы выдержал Ты распинание
беспрерывное: в каждом и от каждого
сызнова.

СГУСТОК

В день срама, застрявший
между вчера и завтра, что есмь:
сгусток крови на ладони распятой?
Как упал я? Как масло в огонь?
Соль на рану? Как посеешь меня
(на чернозём неисписанный? на
отпечатанную страницу?) – так пусть и
возникну. Поникну. Проникну.

ДУШЕ ОТДУШИНА

В день погребения – немо.
Только била. Быт. Больно.
Звонарь отпустил верёвки: иной извод
оглашает. Исшед из груди. Материнской.
Вздох отпустил, узду: конский топот;
руку отпустил: душе отдушина;
слезу отпустил, жёсткую: вот она
отскочила, бьётся. Бьётся.

КАК МОЖНО СКОРЕЕ

Молча выскочит под бичи
сердце, млеком кормившее.
Знает, разбитое, кто исцеляет
и чем. Что должно, да сбудется.
Как можно скорее, чтоб и оно узрело:
в крови зашла, в сияньи восходит
лепота незакатная.

Я ЗДЕСЬ

Мертвь. Лишь облака увязшие
из-под земли вопиют. Как они
причитанья наши безгласные
сквозь немы вселенскую
вознесут? Кák – шёпот:
Я здесь. *Сладчайшая моя весно.*
Кák – отзыв тишины гробной: *Отче,*
прости им, не ведают... и дале.

КРОТ

Не ночь – холм обрушается. Зови его: место
лобное, светопреставленье, народным ли шёпотом:
распятая пятница. Как ни зови, всё одно:
завалило. Куда денешься, если крота своего
не разбудишь. Ройся в себе, разыщи его там,
где пел ему колыбельную. Куда тебе,
если не по туннелю, собственноручному.
К субботе, гробной.

ПОЛОТНА

Господи, для сего сберегох
полотна нежные.
Недостойны
листы мои белые
ран Твоих.
Выстрадай, добрый мой.
Восстань. Выбели.

ОСЛИК, ОНАГРЬ, ИШАК

ОСЛИК-ОЧЕВИДЕЦ

Помоши нет. И жмурюсь.
И голову в скалы, будто в песок.
Но видят глаза. Не глядели бы.
Бич по Тебе – и меня язвит.
Те, что славили, нынче плюются,
толпятся, толкуются, топчут: чернь.
Боже мой, обрати меня в мужа могучего.
Раз уж я, осёл, понёс Тебя путём
цветоносным, да на место лобное,
всё на меня взвали: венец терновый,
кровь, крест – всё.

ВЬОЧНЫЕ СЕДЛА

Праматерь моя, пророка нося,
узрела: ангел слетел,
прашный путь заградил.
А я, что вижу? Самозванцы кружат,
низко. Сеют комарё, взращённое
в пробирке, а назавтра, гляди-ка,
паутиной свежей запорошат
и его, и нас.
Где ж тут межа между войной и миром?
Кабы одно седло мне выбрать, сирому.
Нет же – оба.

ПОД ОСКОЛКАМИ

Седло, весы. Пресный урок
равновесья, былого.
Весам лишь бы точь-в-точь,
им всё едино, а вот плечам, хребту
не таково, как кажется гири.
Да кто меня тут спросит, под грудой стёкол.
Осколки: один другого не знает; но коли
высуну голову да хоть как-то сложу их –
воздрадуюсь их исцеленью.

Бремя не спало, но картина
поднимается: ожила!
Не дрова уж ташу, а рощу
зелёную.

ПАЛКА

Молвишь: леса — лёгкие планеты.
Но каждую секунду под пилами —
пять кубометров. Лёгочное крыло
на меня навьючишь. Континент.
Наследие прадедово, сравни-ка:
осел нубийский, equus asinus africanus.
И не пытай, чтó стою как вкопанный
у подножья горы Ослиной, в полдень.
Просто так реву? Нет. С места не двинусь,
покуда не оплакан дуб-медунец,
ослин дуб. *Quercus lanuginosa*.
Вот потому и палка твоя пополам.
Потому-то и ослиное млечко
хорошо при грудном недуге.

ДО ЗЕЛЁНОЙ ТРАВЫ

И-О. И-О. Исполняй Обеты.
*Зван ты на свадьбу не плясать,
а воду да дрова таскать.*
Гляди, не сдохни до зелёной травы.
А коль и сдох, всё одно вставай.
С новой ношней, поболе.
С головой, тяжёлой от знанья.
Только бы не с тяжёлым сердцем.
То легко, что от сердца. Боже,
пускай же я ослом пребуду,
но оживи всякое бремя мое.

БУДУ ПЛЯСАТЬ

И вот... Опять... И-О!
Если б только ходить по волнам.
Нет, ещё и — песнь пропеваючи.

Паче того: славословить.
Паче: в хоре, что собирался
веками, со всеми мелодами теми.
Весь обратился я в ухо, но где ж это
видано, чтоб осёл пел?
Может, ноты носить я должен?
Или же практикабли?
Паче: пускай весь хор уютно
на спину мне усядется: все,
кто от века в невмы садился,
в нотные эти челны.
На этой свадьбе плясать я буду.
А может, и паче того.

КРОТКАЯ БУКВА

Господи! – пал на колени Гармон –
жалко мне ослёнка.
Не вели ему сгинуть брошенным.
Не ведаю, где он и встретимся ли
ещё в осколках зеркальных.
Исполнилось то, что записано
у него на спине: двух черт сокрестье,
круглая буква Х. А вокруг запястий –
О: Одолжения. Оковы от рождения.
Нубийский ли, сомалийский,
злат Апулеев, иль Златин ослик –
всё одно: И-О. Исполняй
Обеты? Ищи Ответы?
И было так: спустилось небо,
уселось, хребет ласкает.
Он и ныне Извечное Осязает: Идёт, Опять?
Исцелённым Отражением?
Молчит. Терпит. Ждёт.

НЕВИДИМОЕ

Коль уж рождён я с выочным седлом.
А землю всю за собой тащи.
Коли взвалю, впряжен.
Коли под седлом воспою,

коли узнаю: не седло это — крест.
Боже, сделай так, чтоб, хоть я и осёл,
но пронёс, словно ангел.
Крестным путем, от лесорубки в горах
до аллеи в пучине:
там пускай маслина нежно голову
склонит на плечо платану.
Не оттого мне тяжко, что кости скрипят,
а что хору ангельскому мешаю.
Как читать мне ноты с невидимых
губ, как спеть это море
синее. Абы девичью длань.
Каплю елея на длань, в елее пламя,
в пламени сброву — к устам. И — А! И — ам!
А там уж сброву спою и сам...

ТЕРЕЗÁ. ЦВЕТОЧНАЯ ПЛОЩАДЬ. ПУЧИНА

ПЛОЩАДЬ. ВСТРЕЧИ, В ЗЕРКАЛЕ

НЕ ТА ЛИ ПЛОЩАДЬ?

Не кривое ли то зеркало? Где Гармон —
либретто ища? Гармону? — нашёл осла:
ниюхает: Не *та* ли площадь?
Ноздри — чаши весов. На одной — веточки, одежды
подостланные, на другой: завесы раздранные, Via Dolorosa?
Терезá, зеркала в слезах: в который раз уже взвешен
страшный грохот? Потоп, как будто слились
лужи крови. Что если однажды утром — этим? —
не рассветёт, не высушит? Что площади тяжелее: беженцы
или их немота? Оргии? Зажмурила глаз.
Хоровод, барабаны? Что же, в подпляс.
А резня? Шланги, танки, дымовые грибы?
Если и впрямь *та самая* — на заре скамья уже будет
не древесной, но златой, словно Крона
воскрылённая, с плодами
на двенадцать урожаев вперед?

Ж

Днесь на площади — трам-та-рам. Завтра — ай-вай.
Трам-вай. Что зовется Ж. Он и рад бы скользить по
рельсам радуги. Но лишь пыхтит, здесь. Битком.
Да ещё и эта, *толстая семипудовая купчиха*.
Злобный гость И. Карамазова мечтал в неё
воплотиться. Либитина, все ближе к Гармону.
Либо теснит, либо вселяется: и в либреттистов будущих.
Гнев глотаем вместо утренней краюшки покоя:
хлебосольной, хлебосолярной, хлебомифасолярной.
Надобной: да безмолвствуют полных уст пробелы.
Да пребудет Ж весь в заботе, знакомой
всякому путнику? Не соскочить бы
с рельсов, не выскользнуть из ритма. Пока слова —
блики, отблески — трепещут, взвихряются.
С кругов потопных, завитков зеркальных
и взовьются и впрыгнут в дененочное
staccato furioso.

БЛИКИ

Прадревние, блики, а девочки ещё,
liberi, в игре, торжественной, как пробужденье
Светила, бледность Луны, уснувший луг
или мирное море. Прадревний трепет радости
неугасимой: разливы света, который
не скучеет в сокровище, в полном резервуаре
солнечном. Где улыбка свои края,
что расскользнулись на два полюса планеты,
возвращает к заданному: *libella*.
Liaison. Стрелки весов в поцелуе воздушном.
Прадревняя, *Libra*. Аптекарская, посреди агоры,
а в вышине — звёздная. Пока напевают *Eleison*,
спаянные сосуды мира приоткрыли оконца:
каплет сироп. Мы растворяем его в океане
росы, с ровных лугов, трепещущих
от радужного жужжанья. Пусть и зеркального.

ЧУКУР-ЧЕСМА, НА ПЛОЩАДИ ВЕСОВ

Беззубую, мне ль не знать её, эту старушку в трауре: всё молится, чтобы земля под нею отверзлась, асфальт, переход пешеходный. Но вижу: её улыбка, белыми зубами усеяна, переводит мальчика жаждущего к колодцу. Я проглотил их, эти осколки кувшина. Эти зубы, которых уже не было. О них пою, на краю плача, на тонкой меж морем и небом нитке. О беззубии, наконец окаймившем ущелье горла. *Зев зевов*. То, что шёпотом белым в груду я втиснул, что испёк, от земли что отвязал, приподнял, тень пра-детскую — то и взвалил на плечи, то и повесил на вериги радужные, алебастр тот колокол, восьмигласный.

ПЕШЕХОД

Где тот переход пешеходный? Тот давний чёртёж патмосской почвы. Не слышим ли имя путеводителя, что заиграет на площади балет, и распознаем знаки в руках его: радуга на дороге, пешеход в пучине и ослик белый, как зебра к подошве прильнувший. Не расстилаю ли шаль свою, чешую радуги, чтоб и сюда снизошел Гость дорогой, замученный. Ужель ещё что смутит меня: попрошайки проклятъя лютые да локти подземные, коли мало подал; молнии троллейбуса; трамвай горé по рельсам радуги. Ужель что удивит меня больше этого, в груди, совершенного плеска волны? Больше отверстого, здесь, моря житейского, отколе некуда нам, кроме как на ту сторону.

ВЕСЫ НА ПЛОЩАДИ ТЕРАЗИЕ

Из всех, почему именно меня заставил взвеситься сутулый владелец уличных весов, гордый их точностью. Странно спокоен, пока в карманах роюсь, пока стыдом обливаюсь: медальончик, лики Матери и

Младенца меж несчастных монет.
«Дай мне вот это!» «Но я же с этим не расстаюсь», —
не успеваю вымолвить, рука проворная
сжалилась, отдала. И улыбка его щербатая
ангельски разлилась по площади. И ноги мои
не коснулись больше земли в ту неделю.
Да и в день восьмой вернусь — повернуть
головой: «Придумали вы те килограммы
мои. Врут ваши весы».

КРЫЛО

И выщедят бесноватые пот твой, и с этой
площади утёёт во Фисон тростинка сочная,
мышца, сустав. Но тотчас хлынет обратно море
чёрное: рыбы лепеновирские обласкают тебя
винчановозгласом, чтобы сделал ты отиск и той
стороны монетки, печать звучащую, исон соловей-птице,
коей уж нет и в помине. Не спрашивай, сколько ещё
дрожать душе, ослёнку в пучине, эту и ту
неоглядность соизмеряя. Трижды отмерь,
один раз оденешься, в лепоту. Не напоказ.
Глинорождённый, ужель не бываешь
и звездомером, и пешеходом по горизонтам водным,
что кроит себе сам под весами вышними
крыло из лазури и занебесной чаёт чаши.

ТИШЬ ИНАЯ

Не *тот* ли это город? Где посреди площади,
омытой рассветом, в лужице яркой Весы
Горние отразятся — точь в точь, без остатка?
Над скамьёй, единственной, доселе пустой,
склоняет голову светлая тень, длинноухая.
Ждёт: слизнет и малейший страх, если б капнул
из ока Гармоны. Если б она пришла, любимая.
Расстелет, словно над купиной,
плат шелковый, *либаде*. Хитон, закапанный?
Вполне торжественный миг. Для златописи, по эфиру.
Тиши иной. Чаши иной. Сиамской. Сионской.
Вселенской. И сегодня, когда, может, и всуе

склонена голова, уж и не знаем — сизая ли, белая,
знаем её первый и последний вопрос:
Не *тот* ли это город?

ЧЕРЕЗ МОРЕ, ПЕШКОМ

ЖИТЕЙСКОЕ, ЖИДКОЕ: Ж

Хороши днесь уста онемевшие.
Жабры, на асфальте заплаканном.
Море Чермное разделилось
для перехода по дну, шагом навычным.
А это, слияние червлёного и чёрного,
мёртвого и живого, ледяного и огненного,
чего ожидает: пока занесёшь стопу?
Подошвой жидкую гладь ощупать,
ранимую кожицу морскую, саму
сердечную суму океана.
По девятому валу — как по стеклу,
коему только предстоит затвердеть:
не без факелов солнечных и огонька
твоего.

ОПЫТ

Хорошо хору экзамен держать на воде.
Зажмурь глаза, чтоб увидеть. Открой, расскажи.
Опыт — образ: по реке бежит созданьице.
Ящерка Иисусова. *Basiliscus basiliscus*.
Кого же видит она пред собой?
Не сердцем ли зрит?
Вот ведь Пётр, скала от скалы —
а что ему до веса своего?
На какие весы вступил он, ведает ли?
Пред Учителем неужели дрогнет
нога на волне? А все же — тонет.
Ну а в тебе сколько сил? Столько,
во сколько веришь, или
сколько по вере будет тебе дано?
Главное: откуда буря — на Ионну
или с Ионны? Где тут линия Рубикона?

ВЕРЁВКИ. КЛЮЧ

Хороший вопрос, как не похвалить.
Хористы, поверх волн, шепчутся
взглядами крепче верёвок.
Бура швыряет их, с нотами, каменьями
(самоцветами будущими?) с плеч ослиных.
Но добрые эти верёвки: нотные линии.
Вздымай волны, дёргай — не вырвать
из корня: завитого, скрипичного.
Ключа того чудного — извитого
излуками нездешними.
Чуть поднимусь по виткам, увижу:
всё только подготовка. К повороту-
свершению. Тихо глаза сомкну.
А руины? Спасу ли хоть что-нибудь?
До какой точки я, от какой Ты, Отче?
До.

СМ.

До-ми-соль-си-до. Saltomortale,
по лесенке. Святой Мелод и я, ослёнок Г,
по лествице Иоанна, Лазаря.
А Гармон и я — слалом: то наружу,
то внутрь. Не падай. Не отставай.
Не спеши. Слушай других.
Не возвучили спасение.
Разинь уста. Сладкопевец — кондак,
а ты — океан глотай, что разинулся на тебя.
Легко ли, коль в горле —
стали воронов.
С надгробием на плечах,
по морю аки по суху.

ОСЛИЦА, ОСЛИНЫЙ КАШЕЛЬ

Как ступил я на воду ногами стеклянными —
песнь воспеть с мудрыми девами,
встретило меня зеркало: так и есть:
ослица, кашель ослиный, коклюш,

раздирает лёгкие, завесы в храмах.
Кто загадит. Кто заговорит,
кто ушами закроется. Кто залатает?
Укол – уже вир, вир – уже омут
кривой. И на глади зазеркалья
морщина – трещина, трещина – пропасть,
время сквозь пальцы: как удержишь в горсти?
А что уж горло: орган тончайший:
чудо чудес: чай, связки не поводья,
чтоб натягивать да отпускать.
Не дырочки на дудке, не ячейки
в сотах: где сунешь палец –
там брызнет мёд.

ПЕСЧИНКА

И на целые сутки мрак излили
каракатицы морские. Зеница, смотровая площадка,
всё тонет. В утешение ли, нет ли, но с водою вместе
прибывает и знание о слезнице потопной:
перевернёт и она свои тяжелые часы
песочные. Больше острова та песчинка, куда волны
когда-нибудь да выбросят погибающего.
Отдохновение певчemu, стопе над бурей.
Не знаю, как мне и на чём – с той точки.
Но открывается путь в пучину.
Ока твоего. Уснувшего, пока.

ПОЛОВИНКИ. СВИТОК. КАМЕНЬ.

Кто черноту разломит
снова на день и ночь, если не рука
Третья. Но чтоб половинки друг друга
не забывали. И меня – кто другой
выведет туда, где за руки держатся
пропасть и свод, суши и вода, море и небо.
Линию горизонта как свиток
разверну. Погляжусь. Снова сверну
в зеркало. Что писано – глотай:
кондак непрестанный. Что ночь замесит,
коли день не испечёт – под вечер: камень.

Но только чрез это пламя, Ослик ты мой,
только чрез эту распалённую печь.
Коли вечер не прожует, поутру
будем кусать — скалу. Глыбы, осколки.
— И-О! Извини... Опять не так... Звучишь
точно Санчо: *Мёд не для губ ослиных*.
А я таки помню стих и постарше, как раз:
из камня — мёд. Если ударишь по той
струне: солнечной.

СИЛА

Ясен был тон, двоегласие предка и
потомка. Чистый лик на воде,
под короной скрещенных радуг.
Но — виры, бесовские: сошли с ума
стрелки весов, часов, компасов: сила.
Треснули водные зеркала, осколки
засыпали мир. Тотчас окно и берег
океана — пустая рама: внутри, снаружи —
голый срам, густая смола.
Дно субботы гробной.
Осёл же все о своём: И-О. И Опять
надеемся на того, кто, сухим проходя
долиной плачевной, обращает ее в источники.
И в купели.

ОСЁЛ. ЦВЕТОЧНАЯ ПЛОЩАДЬ. ПУЧИНА

КТО ПЫТАЛ ВОЗДАСТЬСЯ

Нет того, кто опустит меня в купель.
Нет и купели. Была. Но капризные ветры
вновь разметали холмы. Всех дальние — тот,
за которым кто-то (навострив длинные уши)
пытает о цветочной площади: след копыта-цветка.
Витязь? Да. Беру постель земную (свою скамью
ослиную) и иду по воде, по огню, по воздуху
за ним.

Вифезда? Исцелённый, с тех пор как восстал,
рысит, навьюченный. Не так, как носился

до потопа. Но — на дыбы. Даже с волн.
Ибо безропотен. Ибо оком сердца узрел
лазурь. Срывает цветок за цветком, подстилает.
А зеница взбухает, капелька купели:
источник, озеро, океан. Плот из цветов.
Не буря ли грядёт, бурелом? Он — в галоп. И ревёт,
пока новый сплоток вяжет из осколков радуги —
да не моргнёт горное око перед приливом,
затмением: да не зажмурится перед
зыбкой, кое-где растворённой
строкой пучины.

ЧЕГО НЕ ДОСКАЗАЛА СТРОКА...

Не копыто упрямое, но этот зев,
этой строки: от него застываю, в море.
Разверстом. Где русалка зиждет град.
Может, новую купель. Ждет, пока я
принесу драгоценный, краеугольный, камень.
Застёжку развенчанного окоёма.
Кардиограммы, бушующей.
Точку неоглядности. Нераспылённую каплю.
Что набрякла под ресницами ослиными,
из капельницы, которой еще могу орошать
увядшие цветы на асфальте, покуда не встанут
навстречу памяти зеркала. Волнистого.

КТО КОГО НЕСЕТ

Когда спотыкался, в теснинах. Изруган. Измучен.
Навьючен до одури лишними гирями: мухами,
облепившими раны. Знал ли он.
О входе в град. О вербном приветствии.
О седле, где, поверх земли, ещё и небо
навалено, — а вход не хождение. Парение, над
пальмовыми листьями, из-за которых на мостовой
не оставят следов копыта, а тем паче Стопы
в воздухе. Под которыми пути водные и огненные
уже скрестились, створяются в хризолит
океана. Не пошатнётся ли? Ныне, здесь, от блаженства!
От недоумения: кто кого несет: он — Гостя,

на своем изумлённом, умилённом хребте.
Или Гость — его и, вместе с его подковой,
улыбкой всегдашней — всецелую площадь, толпу,
оборотничьи крики.

ПЕВЦЫ

Видел ли он меня. Больнорадостным оком.
Видением грядущего. Как я вхожу, с цветами,
с ветвями. Как, изнутри облизав,
поднимаю его на грудь, на плечи — да в новое
зеркало. Заморское. Что преобразит.
Осяду горбы, горы. Усыпаны звездиями.
Разглядели ли мы себя. Переглянувшись.
Через океан. Со слепых берегов.
Глаза отпустив на волю.
Чтоб не стыдились. Чтоб махали флагами.
Чтобы встретились мы. На полути.
На самой линии мглистой. Певцы.
Здесь, уже. Под сапфир-седлом,
что новой спине под стать.

ОТКРЫТКА

Открытка, отражение. Пусть и не дошла,
подскажет. Чтосталось, долу. Под ногами.
Что вытащили спасатели из-под руин.
Что кувыркали волны, взвитые виры.
Течения заморские. Бури, скованные льдами.
Как был усмирён хаос. Ставший нами, цунами.
Как мы скользим, по стеклу. Что чёрного моря
глубже. В котором вьётся кармин. Свиток, ввысь.
Её мы и подписали. Одною буквой.
Триединой. Ослик, Гармон и я.
Её и отправили. Из пучины.

КРУПИЦА. ЖИДКИЙ ХРУСТАЛЬ

Кто мог бы её перенести. Принести. Внести.
Через порог. В уста, душу, сон.

Бегом *вовеки*. Забегая вперёд.
На каких плечах. Если она больше
Солнца. Та крупица. Жидкого хрусталия?
Моря, смешанного с огнём. Чистой
любви. Новозданной. Новосоставленной.
Кто дождётся мгновения. Чтоб её сложить.
В семечко подсолнуха. Изнутри, словно бабочка.
И расправить, навеки. Точно квант, когда зрим,
неустанно, в живую картину. Ни соринки в глазу.
Ни пальцем в глаз. По-рыцарски.

ГОСТЬ

Не разгребать бы, обломки. Покровы скорби.
Разбитые поля воздушных боев.
Ядерные испытания, затянутые гладью.
А всё ж уловить, на миг.
Как нисходит. На твёрдую почву. Посреди пучины.
Редчайший Гость. Сеющий, шлемом солнечным,
поля созревших подсолнухов. Жёлтые лепестки.
Нежное уверие. Что есть чем и с кем
поделиться. Не только на цветистом
ковре, там, посреди аметист-океана,
но и здесь, в час мучительного ожидания
венчания над водами.

СЕРДЦЕ, ХРУПКОЕ

Один удостоен был, знаем.
Тот, с цветком вместо копыта.
А этот, калека, плюгавый, чахлый:
ни подковы, ни оттиска – и не сравнивай.
Кляча. Туже: уж ни жемчужины.
Но – сердце. Хрупкое. Видишь.
Средь ночи. Подскочит, со скамейки,
вырвется, пробьётся сквозь прашное,
истёртое седло. Как будто
готово: нести, из лазарета
в Город, чьи улицы – *чистое золото*,
словно стекло, прозрачно.

СВЕТЛАЯ СЕДМИЦА СОШЕСТВИЕ ОГОНЬКА

МЕЛОД; Я БЫЛ НЕМ

Нем я был. (Скала, что ходила по водам? Тень?) Пучину почуяв, услышал, узрел и — хором: чу!
Allegro: Ночью, два ангела, встречь, над горизонтом, заместо Солнца возносят — Сердце чьё-то!
Миро сочится из Сердца — на мирное море: с облаков мираносицы в рой скользнули пчелиный: Зу-зу-зум-заумь! Земли? Надоумь! Знаменье неба? Или медяный ком из груди зардевает?!

ВОЛЫНКИ, НЕБЕСНЫЕ

Слеп, не зазвал я чудное чудо.
Днесь, оком — окном избы заморской — лепестки хрустальные, белые:
Сделался третьим ухом Сновидец, а Регент воздыханьем неслышным волынки небес вздувает:
Арией стужи вьёт он узоры: чистопись инея окна разнежит, кружева на стекле: шебечут:
Гармон и я — сольфеджио, кванты, формулу мёда — за льдистой рамой: доской ли школьной, двулицей?

МАГМА, ЗАРЕВАЯ

Не изреки я имя Гармона детскою речью, губой ослиной — так он и был бы невидим.
Но как молча вымолвил, слышу: вскрыт окоём, и стена четвертая

вышним окном мне стала.
Что было лесом платанов уснувших,
глядь – уж море: мрея по глади,
огонёк расходится хором.
Магму зари от себя посыпает,
гармонии (гормонную!) кроху,
румяный хлебец надсущный?

СВЯТОЙ СОН

Да светит окно: утренний, вышний
зов-приглашенье глиняной стае
в хор да в оркестр – ангельский?
Лестница стала верхом доверия,
только вот мухи, мазня, размывы:
тягостен путь к сиянию.
Вершина пота, блеска, полудня –
боль: *Ruhe sanfte*. Почий же в мире –
в сон зеницы упали.
Кабы ночную мне арфу солнца.
Из глины взлёт бы: полёт бы мне
пред гостьми изумлёнными?

ГОРЕЧИ

Взлезают лярвы тысячелетние
по рассветной завесе – мы же,
мой Корифей? Мы – роем.
Взлетает пух, румянится над
горами гор, мы же – отложны:
разумны или разбожны?
Закат был – дымом: тяжкой жирной
крышней. Заря же – огнь сердоликий:
соберёт, согреет, продлится?
(Подай иль продай – ту недотрогу,
ту гормонику, пилоль-дудочку,
гормон неги грядущей!)

ХОР ПЧЁЛ

– Долу оставь беззздны-царапины,
грязззы, оковы – воззздвигни поступь,

гоп! человек мой дремотный.
Пред ззанемельными плачевыми,
яблочко ты мое, голубь глиняный,
ззаброcь рубаху вошённую!
В полымя! К потолку голубому
всполохом вzzзвейся с недвижжимого
гробного архи-ззаступа.
В чудо-огонь, в чудов агон,
в чудовагон вереницу жжжальную
воззведи! В порхучий полёт!

ПЛАМЕНЬ

Горлом, свирелью об осемь дырок —
чёрных? — прелью потоп вселенский?
Ухом черпну Гармоновым?
(Пульсирует Сердце-гелиоцентрик
от пламени к пламени: Рублёв — ко Баху,
Бах — к Достоевскому: *Достоин!*)
Органом ли? Сам ли я в хоре?
Сам я не хор ли? Мой Хормейстер
не отчаялся — машет.
Диезом, двойной свирелью — выйдет
четверогласие; молчи трегласной —
осмогласную трель задаёт.

ХВАЛЕБЕН

Хоть и нехотя павшую крошку —
гости! — с земли как с благой ладони —
в уста, словно просфору.
С надеждой. Словно молоко: Вечерню.
Торжественно. Словно хвалу псаломную
и — у трапезы — пёсью.
Неслышно. Словно тайну горла:
когда и как кусок иль глоток
обернулся словом хвалебным?
Vivo, non troppo: с губ теплота —
словно с каймы облачной льётся
злато Хлеба медяного.

ВЕЛИЙ ДЕНЬ

НЕ ЭТО ЛИ?..

Не это ли то пламя?
Та светлая площадь-пучина,
где заране огненному столбу
радуются рыбы златые:
хватит и огонька игриового –
под водой развязать им язык.
Не это ли тот мир,
прозрачнее хрусталия, –
где обзор, сомлевший в глазу земном,
целым небом возвеличен. И возвращён
зеркалу водному: чуток, чист.
Полыхает, звенит из капельки света:
солнцевой дщери, девицы-птицы
абсолютное зренье и абсолютный
слух.

ЗАДАНИЕ

Так сияет из блика весёлого,
что ослик и роздыха не чает:
голову бы – в воду, в облака,
на миг. Но лишь оком мигнёт голова –
миг, преименован во мгновение,
воспетую гробницу синью
в огнекрасное облачает.
Коль себя принёс без остатка:
диез. Бери выше. На верхней линейке
возобновляйся в плоскости новой:
из-под подводной скалы извлечённый,
хрустально-чистый тон разливай
по плёнке океана: Пусть нарастает.
Лествицей – да воссияет в зазвездии
торжественным прахом и пухом.
Всё одно – задаёт ли сызнова блик
или ты себе сам – задание новое:
заморским загорним заоблачным заумным
оком и ухом быть. *Чистым духом.*

ГЛАС НАД ВОДАМИ

Светлая седмица. Глас над водами.
Приидите ко мне, все уставшие.
Все, кто тонет под тонами бремени,
садитесь на тона. В челны нотные.
Хоры птичны, монашны, рыбьи.
На воде слагайте осколки,
пока не сольются в картину. Живой вес
пока не вспорхнёт. Пение древнегрядущее.
— Кто не онемел бы, о Регент?
Ангелов слышим. Шевелят ли губами?
Или то само небо поет, или
одежды их колышатся?
Научи нас, чтоб и мы — как херувимы.
А коли нет, то хотя бы как рыбы.
Хорошо хору выпеть безмолвие.

СОЛНЦЕ ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Светлая седмица: не спрашивай,
отчего любо солнцу пред зеркалом.
Зачем буква Л свою каплю лучистую
удваивает в зеркале ока.
Из чьей записи разливается
капля по двум неоглядностям.
Что льют туда, что сюда
ангелы умиления.
Из трепетной линии горизонта
преливается и преливается
на солнечные чаши.
Весы дрожат посреди пучины.
Мгновение созвучия, невыносимого,
внятно и ослику: что мы — без равных весов?
Горы и долы принёс бы, но лишь одно
потребно. Для праведной чаши.

БУКВА ЛЮБВИ

Принести бы хоть суму сердечную,
вымытую как песок: до крупицы золата:
Л. *Коль не имею — ничтожен.* Блаженная буква:

люлька любозарная. Своей каплей звонкой
обнимает всё. Сердце океана, пока то булькает: взбухает.
Люлюканную кожицу моря, пока та отвердевает.
Скалу на плечах, пока в хрусталь созревает.
Плоды в душе, пока соками
наливаются, лиловыми.
Лилию благовещенскую. Дочь любимую.
Сына возлюбленного, на осле белом.
Людей любвеобильных. Зверей нелютых.
Птиц вольных. Ангелов любовидных.
И всех и вся. И о всех и за вся.
По знаку Гармона, в единый глас —
сопрано, алтъ, тенор, бас.

СОЗВУЧИЕ

Не спрашивай, отражение то или впрямь
в воде блаженной за руки взялись
полная луна и солнце переполненное.
Две радуги, слюбленные в перстень,
легли на линию горизонта.
В тот любохоровод вступает и люд,
умыт, умилён, удивлён,
опьянён лобызанием неба с пучиной.
Очарован полным кругом платья венчального
из радужных чешуек. Самой радугой —
ручником для новобрачных.
По устью магмы и льда — в плазму,
в тёплое, жидкое предместье хрустала,
конец хождению по мукам: хор
вплывает в благостное созвучие:
Воскресение Твое...

СТИХ

По исцелённому зеркалу водному
доковылял Basiliscus basiliscus.
У хористов, уже полуодетых
в чешуйки радужные, любопытствует:

кто где когда как призовёт
к испытанью, благому ли, строгому,
к переходу, страшному, в сновидческий
хор частичек радужных.
Не спрашивай. Возьми стих. Ждём и нот.

Что белеет в голубой пучине,
то ли блик, то ли соли крупица,
горькозёмной, медовонебесной?
Скачет резво точно белый ослик,
словно сердце у невесты бьётся,
как лучина мелода пылает
радуницей, душе моя бела.

СОШЕСТВИЕ ДРЕВА, ОГНЕВОГО

Не спрашивай, где и доколе простёрся зеркальный,
торжественный зал без единой стены.

Только столб, огненный, посреди. Трепещет,
нисходит на море. Саженец милости небесной?

С корнем из кратких молний.

Вдоль ствола — пламена многоцветные,
а гейзеры трав морских — в облак зелёный.

В пахучую Корону. Полиселей звёздный.

Где, в молитве о сошествии, плод наливается мёдом.

Не спрашивай, колышется ли аллея златая.

Из души платановой рассада воскресная.

Колышется. Тут, где ты. Рукой каплю солнца
сорвать. Изнутри умыться огоньком
благодатным. Прежде чем в частицу радуги
облечься. На переправе мглистой.

Где и ослик, отвязанный, носится.

Тащит *трамвай*, облак-каравай.

Пока не привяжут его *радугой пёстрой*.

К Древу Жизни. Посреди пучины.

Где два мира купаются в радости
одинаковой. Воистину, отмерил карандаш.

Ватерпас отвесный. Теперь — хоть резинкой,
хоть губкой, хоть чем.

ВИДЕНИЯ ПУЧИНЫ. ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ. Глас первый

В открытом море, подкрытым небом
Иже херувимы. Умилённо. Adagio cantabile.
Allegro maestoso. Гармонов хор, юноши и девы:
торжество литии на линии горизонта.
В облачениях радужных, в сандалиях пустынников.
У каждого на длани — капля елея: благодатная капля солнца:
дар пасхальный: яйцо радуги. За каждым — древний сад,
стада и стаи детенышней. Светлая седмица в пучине,
денно и нощно, спокон веку.
— Прямая трансляция гармонии сфер,
а у нас — ни картинки, ни звука. Скоро уж день восьмой.
Ужель мы — на краю света. Ужель никому из нас
не под силу снять с себя порчу.
Царю небесный, приди и вселися в ны.
— Отпусти меня, мати, на море.
— Обивать пороги пучины?
— Любоваться восходом солнца
в зеркалах занебесных.
Слушать, как солнцева арфа
будит этот и тот мир.
Чтоб не завял подсолнух в груди моей.
Но чтоб ангелы, хранители радуги,
вплели его в венок свадебный.
Не знаю, чей. Наш.

ПЛАТАН ПОЁТ В ПУЧИНЕ

Хорошо-то в открытом море,
душа купается во *свете тихом*.
Вынырнут шарики, на побережье затоптаны.
Булавы мои, безобиднее одуванчика.
Зреет в них семя, пламенеет из недр.
Изнутри меня красит. Теми очами вижу:
блуждаю по водам, раскромсан. Брошен в огонь.
А из огня купина мне вещает:
Не бойся. Не нам решать, но — огню.
Двойк он: то сожигает, то милует.

На ветвях твоих радуги угнездятся,
с птицами заморскими воспоешь.
Моя, стало быть, очередь? И не я
нестораем. Но огонь – благ:
не опалит. Ничком перед ним.
А волна выпрямляет меня, с корнем и
пнём единит, переломы исцеляет,
новые открываются раны, кровят,
за всё хвала Тебе, Боже.

МЕЛОД ПЕРЕПЕВАЕТ: ОНО СТУЧИТ

Разве могла бы стопа круг на воде оставить,
кабы долу, на дне, ось карусели тяжкой
не глотала в мухах собственный скрип.
Беглец, осёл ли, в поту колесище движет:
маховик гномона и нории.
Чем сильней отпор, чем гуще память воды,
чем яснее узоры нездешние в хрустале –
тем звонче стезя, коей звон-язык колокольный
проходит, будто без звонаря.
Чем туже натянуты дуги да тетивы,
тем больше осадка со дна утробы, души,
тем целебнее воды, тем блитней зеркала
пучины. Она отступит. Так что зеницы
уж и не знают: вправду ль готовы к сошествию
пламенного яйца, вниз по радуге?
Да и стопа, помнит ли: в это яйцо, в это пламя,
в этот чертог над водами – кто введёт, если не
сердце чистое, словно хрусталь прозрачно:
оно в лепоту облекается, оно на порог ступает,
оно стучит – ему и отверзется.

ГАРМОНА ПОЁТ В ОТВЕТ: ТО, ЧТО ТАМ

To, что там, то, что манит заглядывать
за грань времени, мира, сознания.
Что слух распинает: ухом одним
тленье изжить, а другим – утешения
угадывать горние, отроку.

Пусть аршин и наш, да меры — не наши.
Не ведаем часа ухода. Излишком
стали уста: верно, исполнилась
улыбка в своей чистоте?
Тот, кто создал, коль попускает
исчезновенье чрева, — не уготовал ли облик,
чудеснейшую обитель?
На берегу ты взмолился в горе, а мне
виделось: мы на воде, средь моря, преклонили колена
меж частичками радуги. То, что тогда
дрогнуло в сердце моё, — не то ли, *что там*:
светло-прозрачно-благоуханно-блаженное —
как этот миг: колени на воде,
солнечных бликов хор.

МЕЛОД РАСПЕВАЕТ С БЛИКАМИ

В зеркале извитом сердце моё —
ковчег. Собирающий всё, что живо,
что в другом готово узнать себя.
Был я кротом, ослом, а ныне, в пучине,
как голубь веточку, в зубах нежное слово
несу: *душа*. Светла седмица, можно
на белый лист его опустить,
на белый плат, не боясь, что кто-то
навредит ему, западней, смолой ли горячей.
Был я платаном, маслиной, а ныне вновь —
пчела над бездонными сотами, чадо
средь украшений пряничных. Зеркальцем
черпаю солнца: вас, резвые блики,
в линию молнии сгоняю, в незримые
коконы, в головокружительные муралы, фрески
воздушные, в лица, что чают: улыбка
добрый ответом будет. Свободно слово моё
среди поющих на море огнестеклянном.
В хоре, на крестном ходу по водам древним,
к линии пучины. Даже если отступит,
даже если и нет её — всё одно: ободряет,
зовёт перейти.

ГАРМОНА ГАРМОНУ ПОДПЕВАЕТ

Здесь вижу главу и стопы твои: вздох и след.
(Или — след твоего вздоха?
Или — вздох твоего следа?)
Зову — и отзывом светлым
залы воздушные убираю, и берег рыхлю
для семени из восклика твоего.
Но, в недра приявши луч, вода его с пути сбивает.
И преломляет упорно радугу окоём:
половину кольца ношу.
Оттого и не подхожу, хрупка: друг к другу прильнув,
здесь мы — только тень жезла на воде,
а там — жезл: хрусталь некрушимый.

ХОР: ЕЛЕЙ. ПОЛИЕЛЕЙ

Гору, масличную, я в пучину пренёс.
Но не я. Ты: рощи олив — на волны,
на водопои солнца: диво-девицы —
вдоль окоёма. Платанам на радость.
Ты: вокруг сада морского — твердыню
трепетную и зеркала занебесные.
Мне же — на водах плач: если можно,
да минет сеча. Локон горизонта. Чашу сию.
Мне же — в чаше маслинка.
Из неё, вымолить каплю елея.
Тысячелетия звонкие. Мудрую стражу.
Да заискрится длань: светлячок. Рой светлячков?
Твои, душе, факелы. Не пламень геенский.
Языки благого огня. Не бесы — небеса.
Небо поющих: что́ изолют на море,
то хоры бликов и звонницы заморские
прелют во хвалу. Да не устанут.

Жизнь прожить — не поле перейти.

А поле полюбив — по морю аки по суху.

Море перейти. Не застрять в пучине,

но крестным ходом — чрез порог пучины.

Порог лазурный, я зёрнышко горчиное,

а камешком быть бы огнестеклянным,
частичкой радуги – в хор занебесный,
безмолвный, да вселенная вторит:
Яко вовек.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ. Глас осмый

На Петровом море – *Иже херувимы.*
Машет ушами, словно крылами, за Регентом,
и любимец хора, Ослик Гармонов.
То взбрыкнёт, то упрётся. А зря.
Угодил прямиком в объятия линии горизонта:
в стих *Всякое ныне житейское*
отложим попеченье. Тут же и взрыдал.
Наревелся вволю. Уже не трясёт головой,
не укрывается ушами.
Между морским зеркалом и небесным
разве скроешь слезу умиления.
Пала на шов меж горней и дольней лазурью,
открыла простор сияющий: зеркало новое.
В котором видно: что на плечах.
Уже не седло. Уже не крест. Но – крыло.
Блаженный Ослик. Только теперь он готов нести.
Всех и вся. Господа. И младое то зеркало.
Теперь уже – трёхкрылое.
Теперь уже – вот-вот воспарит.
А меж тем, Рука, трижды святая,
милует, отвязывает, речёт:
Ступай, летай себе, пой.

И ОН: И-О: ВОЖЖИ В ПУЧИНЕ

Не знаю, кто волнует годовые кольца платана.
Долготерпелив Гармон, безутешно наше и-о!
и-а! в лазарете. Под топором ли тупым,
под молочными ли зубьями пилы,
лопнет шестерёнка эонов: не сумерки, не
заря дня восьмого, но обручи вразброс,
диковато изогнуты. Ходунки, в которые

прямо из колыбели вползаешь с восторгом,
глядь — эскалатор, невесть куда.
Нуль за нулём, все брошенные на
чаши дней, уже сгущаются в изогипс,
уже вывихнуты в мёбиус-восьмерку,
уже усугубили, углубили воронки свои.
Не знаю, на какую боль каких моих
гласных, на терпкие какие согласные мои
отозвался, наконец, тёплым ливнем,
анестезией потопа, добрый мой
ангел. Не знаю, сколько ешё пней,
глав на пне, следов в пучине надо, чтоб
час назрел, чтоб из лазури нежно радугу
вынул Хранитель и ею меня привязал
ко древу с белой корой, саморождённому в хлябях
целебных. И, приметив благодарное око
ослёнка своего с дрожащими ножками, — тут же
и отвязал. Навеки волнам препоручая
многоцветные пламена вожжей, нездешних.
Знаю только: не вода подъемлет. И не
глас восхищает, и не крылья возносят. Но эта
и та, иная, изнутри, извне, отовсюду,
всеплота.